

Академик Владимир Григорьевич Трухановский в МИГМО

Н.К. Капитонова

Владимир Григорьевич Трухановский был выдающимся отечественным историком, патриархом англоведения. Он всегда считал себя *self made man*, то есть человеком, который создал себя сам, без какой-либо помощи со стороны, если не иметь в виду условий жизни, существовавших в то время в нашей стране. Его жизненный путь – это путь одаренного человека из народа. Родился 15 июля 1914 года в белорусской деревне Ботвиновка на границе Могилевской губернии и Смоленщины. Прадед Владимира Григорьевича участвовал в польском восстании 1863-1864 гг., за что был выслан с семьей в Сибирь, но по дороге туда – в Белоруссии – умер, а его сына, мальчика лет шести, приютили в имении Смольяны, принадлежавшем помещику Энгельгардту. Он вырос среди двора, служил ночным сторожем в Смольянах, женился на местной девушке. Один из его детей – Григорий, отец Владимира Григорьевича, выучившись, стал агрономом. Мать, Анна Николаевна, была родом из крестьян, она погибла от голода во время блокады Ленинграда.

Владимир учился в сельской школе. Его любимыми предметами были история, география, литература. Из-за плохих оценок по нелюбимым предметам – математике, химии, физике, – в последнем классе он вообще перестал ходить на занятия. Чтобы получить документ об окончании семилетки, он поступил в ремесленное училище в Кричеве, после окончания которого в 1931 г. уехал в Ленинград, где устроился на завод «Электроприбор» слесарем-механиком. Впоследствии он говорил, что Ленинград поразил его, особенно люди, простые и скромные, но намного выше его в интеллектуальном отношении. Стремление к знаниям привело В.Г. (так называли его за глаза, а некоторые из близкого окружения – и в глаза) в библиотеки, он стал много читать, в основном историческую литературу, так как с детства увлекался историей,

покупал книги в букинистических лавках на Литейном. Самообразование на всех этапах его становления играло большую роль, чем официальные занятия. Ленинград, город, где каждый камень дышал историей, определил и выбор профессии: Трухановский окончил рабфак, а затем и вечернее отделение исторического факультета Ленинградского педагогического института, получив диплом с отличием. Он стал учителем истории в средней школе.

В 1939 г. Владимира Григорьевича в составе группы молодых специалистов направили из Ленинграда в Москву, в распоряжение НКВД, так как после отставки Литвинова и назначения наркомом Молотова осуществлялось обновление кадров. Трухановскому предложили на выбор – работать в центральном аппарате наркомата или пойти учиться в Высшую дипломатическую школу. Он выбрал ВДШ. Наиболее сильное впечатление оставили у него лекции академика Е.В. Тарле, который так увлекательно рассказывал об исторических деятелях, как будто те были его хорошими знакомыми, в результате они представляли живыми людьми. Этому подходу следовал позже и сам Владимир Григорьевич. Запомнились ему также лекции члена-корреспондента АН СССР Е.А. Коровина по международному праву, собиравшие полный зал слушателей.

Окончание ВДШ совпало с началом Великой Отечественной войны. Все выпускники и большинство сотрудников НКВД записались в народное ополчение. Но поскольку наркомат обезлюдел, начался выборочный отзыв из ополчения и даже с фронта. Трухановский также был отозван в распоряжение НКВД, во «вторую Европу» – так назывался отдел, ведавший Великобританией – одним из наших главных союзников в борьбе с гитлеровской Германией. Во время войны объем деятельности советской дипломатии значительно расширился. Моло-

Капитонова Наталья Кирилловна – д.и.н., профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России, ученица академика Трухановского. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Золотой фонд МГИМО

дым, неопытным сотрудникам тогда давали сложные и серьезные поручения. Именно оттуда он уже через четыре месяца в составе большой группы сотрудников наркомата был направлен на два года в Иран, важный в стратегическом отношении регион, где пересекались интересы СССР и Великобритании, пункт, через который шла союзническая помощь СССР. Владимира Григорьевича назначили генеральным консулом в город Керманшах. Работа была напряженной, что являлось хорошей школой для начинающего дипломата.

Весной 1943 г. Трухановский вновь вернулся в центральный аппарат. Вскоре он стал помощником, а затем и заместителем заведующего отделом. В.Г. принимал участие в подготовке и проведении многочисленных встреч и совещаний, в том числе в качестве заместителя генерального секретаря советской делегации, был участником конференции по учреждению Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско в апреле-июне 1945 г., а также в работе Потсдамской конференции, проходившей в июле-августе 1945 г.

Присутствуя на заседаниях «Большой Тройки» он мог собственными глазами увидеть, как делается большая политика, составить собственное представление о ее творцах. «Работа в МИД, - вспоминал Трухановский в интервью корреспонденту журнала «Новая и новейшая история», данным в 1994 г. в связи с его 80-летием, - была отличной школой. Система международных отношений – это своего рода театр, и мне хотелось увидеть изнутри то, что скрывалось за закрытым занавесом, а иногда даже и за кулисами. Неоценимое значение для меня как англоведа имела возможность наблюдать многие процессы вблизи: как делается внешняя политика Англии, как строятся ее отношения с разными странами, как действуют ее государственные руководители»¹.

В Иране он часто встречался с британскими представителями, которые поражали своим внешним видом: в лишенной комфорта обстановке, часто при отсутствии санитарии, выглядели, тем не менее, «с иголки» (так, например, один майор всегда появлялся в элегантном мундире, со стеклом и в сопровождении двух белоснежных собак, которые выглядели еще более ухоженными, чем их хозяин). Работая во «второй Европе», Владимир Григорьевич наблюдал вблизи представителей британских правящих кругов, приезжавших в нашу страну с визитами. Но впервые попасть в Великобританию ему довелось лишь в качестве туриста уже после ухода из МИД.

Опыт работы в министерстве, по словам Трухановского, помог ему избавиться от фетишизации документа, которая присуща многим исследователям. Через его руки прошло огромное количество дипломатических документов – советских и английских, - многие из них он составлял сам. Впоследствии они отложились

в архивные фонды. (Во время работы в Архиве внешней политики РФ автор знакомилась с этими документами, относящимися к периоду войны). «Однако далеко не каждый документ отражает правду, а тем более всю правду, - подчеркивал Владимир Григорьевич. – Поэтому своим ученикам я обычно советую: не подменяйте цитированием архивных источников исследовательский анализ»².

За успешное выполнение заданий советского правительства в ноябре 1945 г. В.Г. Трухановский был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Несмотря на большую занятость в МИД ему удавалось выкраивать время (в основном, в период отпусков) для научных исследований: в 1947 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Позиция Англии по вопросу о России на Парижской конференции 1919 г.» В то время это было необычным для действующего дипломата.

В 1944 г. был создан Московский государственный институт международных отношений. Требовались преподаватели со знанием оперативной дипломатической работы, и Трухановскому предложили работать в институте по совместительству. С 1947 г. он заведовал кафедрой всеобщей истории, а в 1959 г. возглавил кафедру истории международных отношений и внешней политики СССР, бессменным руководителем которой был вплоть до 1 августа 1975 г. Наряду с заведованием кафедрой В.Г. с 1957 по 1960 гг. работал заместителем директора Института истории АН СССР по научной части, а в связи с болезнью директора почти год исполнял его обязанности.

Выдающийся историк Трухановский стал родоначальником англоведческой школы МГИМО. Он был историком-профессионалом в высшем смысле этого слова. Блестящий лектор, он воспитал несколько поколений советских дипломатов, целую плеяду историков-международников, был научным руководителем многих советских и зарубежных диссертантов. В советское время каждый специалист-международник изучал историю международных отношений по фундаментальному трехтомнику, изданному под редакцией и при самом активном участии Владимира Григорьевича. До сих пор студенты МГИМО изучают британскую историю XX века по его монографии «Новейшая история Англии», изданной в 1958 г. Эта книга почти в сорок печатных листов была первой в стране книгой по данной проблематике, она была защищена Трухановским в качестве докторской диссертации. В своей монографии он «сказал все, что хотел», впервые попытавшись «сделать книгу читаемой за счет живого языка, использования психологических оценок, объяснения ряда событий, наряду с прочим, особенностями человеческой природы»³.

Последней его должностью в МИД была должность заведующего отделом ООН. Уход

из министерства в 1953 г., как говорил впоследствии Владимир Григорьевич, был вынужденным шагом и совершенно неожиданным для него. Ему присвоили ранг советника первого класса, он заведовал одним из важных отделов министерства, но когда в марте 1953 г. министром иностранных дел вновь стал Молотов, находившийся в последние годы жизни Сталина в опале, последовало увольнение ряда руководящих сотрудников министерства, в том числе и Трухановского. По его мнению, причиной была собственная антипатия нового министра или же влияние его ближайших помощников.

Уход из МИДа стал для Владимира Григорьевича тяжелым ударом. Но оправдалась старая русская пословица: «Нет худа без добра». Получилось, что Молотов сотворил для него великое благо: уйдя целиком в науку, он начал новую жизнь, и она оказалась для него счастливой. В.Г. перешел на работу в Институт истории Академии наук СССР. Поначалу жизнь без напряжения и драматизма, которые придавало ей соприкосновение с политикой, казалась пресной. Оставшись «один на один с письменным столом», всю свою энергию он стал вкладывать в свои книги, в которых нашли отражение раздумья Трухановского, его отношение к жизни и людям. Впоследствии он говорил, что благодарен судьбе за то, что она подарила ему возможность заниматься творческой работой, ибо ни один другой вид деятельности не дает такой пищи уму и воображению.

В 1962 г. была опубликована монография Владимира Григорьевича «Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918-1939 гг.)», за ней в 1965 г. последовала книга «Внешняя политика Англии в период Второй мировой войны (1939-1945 гг.)», затем «Внешняя политика Англии после Второй мировой войны». Курс лекций по британской истории и внешней политике лег в основу «Очерков новейшей истории Англии» (1963 г.). В 1979 г. вышла книга «Советско-английские отношения, 1945-1978 гг.» (написанная в соавторстве с Н. Капитоновой). В 1985 г. была опубликована монография «Английское ядерное оружие. Историко-политический аспект», посвященная истории создания Великобританией ядерного оружия и современного стратегического потенциала. Это была память о работе Трухановского в составе Пагуошского движения ученых мира, наряду с прославленными физиками Р. Пайерлсом, Б. Фелдом, Дж. Кистяковским, М.А. Марковым и другими.

В течение 27 лет - в 60-80-е гг., - Владимир Григорьевич являлся главным редактором ведущего общесоюзного журнала «Вопросы истории», посвященного исследованию методологических и конкретно-исторических проблем. В течение многих лет он также был членом редколлегии журнала «Новая и новейшая история». Эта работа позволила ему чрезвычайно расширить и углубить профессиональные знания.

Он стал не только историком широкого профиля, но и научным редактором высочайшей квалификации. «Вопросы истории» при Трухановском приобрели новый облик: не желая, чтобы журнал был столичным, элитарным, он установил правило - не менее трети материалов должны были быть из провинции. Кроме того, стали печататься не только сугубо научные статьи, но и документальные очерки, нацеленные на широкого читателя. В результате вдвое возрос тираж журнала.

В 1964 г. Владимир Григорьевич был избран в члены-корреспонденты АН СССР, а в 1992 г. - стал академиком. Большой временной разрыв между этими двумя датами сам он объяснял причинами субъективного свойства, вспоминать о которых не хотел. А вот о добром и светлом вспоминал с удовольствием. Когда в 1968 г. в результате далеких от науки распрей он подал заявление об уходе из «Вопросов истории», его вызвал к себе президент Академии наук М.В. Келдыш. Состоялся долгий разговор, в итоге Трухановский остался в журнале. «В памяти запечатлелось стремление президента самому вникнуть в ситуацию, разобраться в ней, не перекладывая дело на помощников, - вспоминал он позднее. - В беседе со мной речь шла главным образом не о моем заявлении. Келдыш глубоко интересовался состоянием исторической науки, ее проблемами. Он вообще придавал существенное значение гуманитарным отраслям знания. Мстислав Всеволодович запомнился мне не только как большой ученый, но и как сильная и своеобразная личность, человек с государственным складом мышления. Он любил науку и с брезгливостью относился к тем, кто видел в ней средство для достижения собственных корыстных целей»⁴.

Годы работы в журнале стали временем расцвета научной деятельности Владимира Григорьевича. За сорок лет он написал двадцать книг. Когда его спрашивали, как, редактируя журнал и одновременно заведующий кафедрой в МГИМО, он ухитрился так много писать, Трухановский ссылаясь на мидовскую закалку, ведь «ответственные документы приходилось писать срочно, в любое время дня и поздно ночью, не ожидая вдохновения и не всегда в подходящей обстановке». Выработалась и своя система: составление подробного плана и графика написания, при этом пригодился необходимый при составлении дипломатического документа навык точной и емкой формулировки - это помогало сэкономить время. Он садился за письменный стол с утра и не вставал, пока не напишет свою обычную норму - 5-6 страниц, в удачные дни больше. Писал всегда от руки и набело, исправлений вносил мало.

За время работы в «Вопросах истории» Владимир Григорьевич был награжден вторым орденом Трудового Красного знамени, орденами Дружбы народов и Октябрьской революции.

Многочисленные книги по истории и

внешней политике Великобритании послужили прелюдией к тому, что стало для него главным увлечением в жизни – биографиям выдающихся британских деятелей Черчилля, Нельсона, Дизраэли. В этот ряд попала и биография бесславного премьера Идена, который замыкает своеобразный рейтинг премьер-министров Великобритании XX столетия. Владимир Григорьевич по праву считается одним из родоначальников биографического жанра в советской исторической науке, который в нашей стране долгое время был не в чести. Тогда поощрялись прежде всего коллективные монографии по историко-революционной и национально-освободительной проблематике, в издательские планы допускались лишь биографии так называемых «прогрессивных» деятелей, к коим «заклятый друг» нашей страны Уинстон Черчилль никак не относился. Однако Трухановский с увлечением взялся за написание портрета этого политика и государственного деятеля (а также талантливого журналиста, писателя, художника), человека блестящих способностей и выдающихся дарований – самого яркого и противоречивого британского деятеля XX века. В.Г. всегда привлекали великие исторические лидеры, он отчасти разделял известное высказывание Черчилля о том, что историю делают герои. Как говорил позже сам автор, он взялся за написание этой биографии потому что пришел к убеждению, что без изучения жизни и деятельности этой выдающейся личности нельзя понять историю Великобритании конца XIX – XX века.

О Черчилле написано множество книг, ни один британский деятель не удостоился такого количества публикаций, причем, биографии Черчилля, исследования, посвященные разным сторонам жизни и деятельности этого великого британца, продолжают выходить каждый год. В последние годы в нашей стране также появилось несколько монографий о Черчилле, но книга Трухановского, которую он считал своей главной книгой, была первой. Он создал образ не только политического противника Советской России, но и сильной, колоритной личности. Приятно сознавать, что книга нашего замечательного историка о Черчилле представлена (в числе многих других авторитетных исследований жизни этого выдающегося деятеля) в Архиве британского премьера в Черчилль Колледж Кембриджского университета. С большим уважением и теплотой относился к Владимиру Григорьевичу другой официальный - биограф Черчилля, видный британский историк Мартин Гилберт, издавший 8 томов «черчиллианы».

Исследователи жизни Черчилля неизбежно подпадают под обаяние его личности. Не избежал этого и Трухановский. В своих лекциях по новейшей истории и внешней политике Великобритании он часто вспоминал Черчилля, рассказывал истории из его жизни, цитировал практически неизвестные в то время (особенно студентам) остроумные афоризмы своего героя.

(Это теперь переведенные на русский язык афоризмы Черчилля доступны каждому).

Книга о Черчилле имела невероятный успех, она была переведена на многие языки мира, в том числе и на китайский. Она стала вехой в советской исторической литературе, выдержав пять изданий (последнее – в 2003 г.). По мере рассекречивания британских документов того периода, образ Черчилля переосмысливался, а текст от издания к изданию дорабатывался, убирались наслоения холодной войны».

Биография Черчилля положила начало серии работ Трухановского о «жизни замечательных людей» Великобритании. Следующим его «героем», но теперь уже со знаком минус, стал Антони Иден, политический наследник и преемник Черчилля, с именем которого связана самая позорная страница британской истории XX века – Суэцкая авантюра 1956 г. (Антони Иден. Страницы английской дипломатии, 30-50-е годы. М., 1974 г.). Этот деятель, которого считали самым красивым и элегантным политиком своего столетия, оказавшийся, в отличие от своего предшественника, совершенно несостоятельным, согласно всем опросам британских историков и политиков неизменно занимает последнюю строчку в рейтинге британских премьер-министров. Книга об Идене издавалась в СССР трижды, она была переведена на польский и армянский языки.

Следующей биографией стала биография британского национального героя, участника многих морских сражений, в том числе знаменитой Трафальгарской битвы, адмирала Нельсона (Адмирал Нельсон. М., 1980 г.) Многие считают эту книгу одной из лучших книг о морях: Владимир Григорьевич так ярко изобразил морские сражения и тактику боя, психологию людей, как будто сам участвовал в морских баталиях. Биография Нельсона пользовалась читательским успехом не только в нашей стране, но и за рубежом: в 1990 г. она вышла в свет в объединенной Германии, а также в Армении, Болгарии, Чехии.

Последней биографией, принадлежавшей перу Трухановского, стала биография выдающегося британского деятеля XIX века, идеолога английского консерватизма, премьер-министра Великобритании в период зенита ее могущества лорда Биконсфилда. (Бенджамин Дизраэли или история одной невероятной карьеры. М., 1993 г.). Захватывающий рассказ о жизненном пути Дизраэли разворачивается на богатом историческими событиями фоне: это был период дипломатических побед Великобритании, военно-морского превосходства, значительного расширения Британской империи, расцвета промышленности, сельского хозяйства, строительства железных дорог и социальных преобразований в стране, получивших название так называемого «муниципального социализма».

Никогда не занимавшийся XIX веком, Владимир Григорьевич ведет повествование с высочайшим профессионализмом, демонстрируя

глубокие знания и точный анализ исторического материала. Книга о Дизраэли была удостоена премии Академии наук имени Н.И. Кареева.

Создавая портреты выдающихся деятелей британской истории, Трухановский полностью раскрыл свой литературный талант. Написанные им биографии отличаются точностью психологической характеристики, богатством и выразительностью языка, хорошим – английским – юмором, научной документальностью, создавая у читателя эффект «авторского присутствия». Они имели большой успех у читателя. Принимая во внимание высокий литературный уровень биографических произведений Трухановского, в 1977 г. он был приглашен вступить в Союз писателей СССР.

Владимир Григорьевич отличался особым стилем руководства научными сотрудниками. Он никогда не прерывал выступлений на конференциях, семинарах, позволяя каждому высказать свою точку зрения. Никогда не командовал, умел и любил дискутировать, поражая собеседников логикой и ясностью мысли, убежденностью в отстаивании своей позиции. При этом он всегда с уважением относился к оппонентам. Коллеги по работе в МИД отзывались о нем как об отличном работнике, который умел в любых обстоятельствах обеспечить решение поставленной задачи. Трухановский отличался огромной эрудицией, прекрасным знанием исторических фактов и исторических деятелей. При этом никогда не давил своим авторитетом на аспирантов, не говорил, какие должны быть получены результаты в ходе исследования. С помощью подробного плана он лишь задавал направление поиска и обозначал, на что в первую очередь необходимо обратить внимание. После глубокого погружения в тему, изучения документов и литературы выводы приходили сами собой. Вот по ним-то он и проходил потом опытной рукой мастера, отшлифовывая формулировки.

Одной из сильных сторон Владимира Григорьевича как исследователя являлась научная интуиция. Часто после рассекречивания очередного массива британских документов можно было убедиться в справедливости высказанных им когда-то оценок и важных предположений.

На кафедре истории международных отношений и внешней политики СССР, которой в МГИМО заведовал Трухановский, часто кипели страсти, а заседания были для аспирантов настоящей «школой злословия»: профессура постоянно обменивалась словесными пикировками, научные дискуссии порою становились жаркими, а в атмосфере ощущались грозные разряды. Присутствовавшие на этих заседаниях молодые преподаватели и аспиранты, исполнявшие роль молчаливой массовки, с удовольствием наблюдали за тем, как «тяжеловесы» разминали мускулы, обмениваясь ударами. Надо ли добавлять, что явка на заседаниях, за редким исключением, всегда была полной.

Заведующий, по крайней мере внешне, всегда был спокоен и невозмутим, шутил и стремился соблюдать нейтралитет. Это было не легко, так как приходилось работать с людьми, которые были ему глубоко неприятны. Как-то он рассказал, что один известный кафедральный профессор-англовед настроил на него настоящий донос в вышестоящие инстанции, обвинив в работе на британскую разведку. Этот донос Трухановскому показали, после чего ему пришлось еще долгое время работать с этим человеком в одном коллективе. Однажды в пылу дискуссии во Владимира Григорьевича даже запустили книгу. Ловко увернувшись от этого броска, он по обыкновению отреагировал шуткой. Впоследствии, уже после его ухода из института, когда в итоге целой череды реорганизаций кафедру истории международных отношений разделили, а молодых преподавателей разбросали по разным коллективам, жизнь без этого бурного водоворота страстей, к которому за долгие годы уже успели привыкнуть как к своего рода наркотику, порой казалась совсем пресной.

Важной стороной жизни Трухановского являлась общественная деятельность в международных организациях. Долгое время он возглавлял Общество СССР – Новая Зеландия. Он также активно участвовал в Пагуошском движении ученых мира (член Совета), Всемирной федерации ассоциаций содействия ООН (заместитель председателя советского Исполкома), Международной федерации научных работников (член Исполкома), Международной комиссии по истории социальных движений и структур Международного комитета исторических наук (вице-президент) и др.

Хорошее знание языка и ораторский и полемический талант позволяли ему свободно вести обсуждения и дискуссии, эффективно отстаивая интересы нашей страны в этих организациях. Благодаря так ценному на Западе своеобразному чувству юмора Владимир Григорьевич всегда располагал к себе даже своих идеологических противников. Кстати, участником Пагуошского движения был и видный ученый-биохимик академик Энгельгардт – потомок того самого помещика, в чьем имении когда-то приютили деда Трухановского.

В 1987 г. Владимир Григорьевич по собственной инициативе ушел с поста главного редактора журнала «Вопросы истории». Он объяснил это так: «За 27 лет я привык к журналу, сроднился с ним. Но годы берут свое, и приходится отдавать себе в этом отчет. Согласно английской традиции, нужно уметь уходить вовремя. Я рад, что у меня хватило сил и разума это сделать».

Последнее десятилетие жизни Трухановского было связано с Ассоциацией британских исследований, президентом которой он был с момента ее создания в 1992 г. и до 2000 г. К этому времени он достиг вершин своих творческих

успехов. Результатом деятельности Ассоциации стали сборники статей «Британия и Россия» (первый выпуск, представляющий собой совместный труд российских и британских ученых, состоялся в 1997 г., пятый – в 2010 г.).

Большой интерес представляют воспоминания Владимира Григорьевича о своих непосредственных руководителях, в частности, заместителе Молотова, ставшим в 1949 г. министром иностранных дел, А.Я. Вышинском. Он характеризует его как личность неприятную, с которой было весьма непросто работать. Режим работы МИД тогда полностью копировал кремлевский. Вышинский отличался огромной трудоспособностью, не отдыхал сам и не давал отдыхать другим. Часто он вызывал людей из дома на совещания под утро. Отличалась своеобразием его манера подготовки к выступлениям, например, на Генеральной ассамблее ООН: речь министра писали сразу четыре помощника, причем, каждый – свой собственный вариант. Когда написанное показывали министру, он неизменно разносил все в пух и прах, при этом в выражениях не стеснялся. Как-то раз в присутствии Трухановского он швырнул профессору В.М. Хвостову – будущему академику, работавшему тогда в МИД, – подготовленный документ, сопроводив его такими словами: «Заберите ваше профессорское г..!». Он бесконечно заставлял всех переделять представленные варианты. Изучив привычки шефа, помощники стали прибегать к следующей уловке: в третий раз они приносили ему первый забракованный вариант выступления. Он принимался Вышинским со словами «Ну вот, умеете работать, если захотите. На этот раз получилось!». Он брал все четыре текста, а потом писал свой собственный, совершенно отличный от них вариант. Когда в минуту хорошего настроения министра осмелились спросить, зачем тогда нужны усилия помощников, в ответ было сказано, что представляемые ими варианты «будят мысль» министра.

Вышинский страшно боялся Сталина, на аудиенции к которому отправлялся по четвергам, при этом, уезжая в Кремль или на «ближнюю дачу», он никогда не знал, вернется ли обратно. Министр отводил душу на своих подчиненных, которым в раздражении мог сказать все, что ему заблагорассудится. Так, однажды, придя почему-то в ярость от того, что Трухановский показал одной английской делегации Институт нейрохирургии им. Бурденко (причем, в полном соответствии с утвержденной свыше программой визита), он пригрозил стереть его «в лагерную пыль». Угроз министра, конечно, боялись, но работали в МИДе не из-под палки, а чувствуя огромную ответственность и огромный интерес к своему делу, которое не променяли бы ни на что другое. «Мы гордились своей работой, своей страной» - пишет Трухановский.

Владимир Григорьевич был участником конференции в Сан-Франциско, учредившей ООН. Она, по его словам, проходила в атмос-

фере общего подъема и окрыленности – наши войска двигались по территории Германии, со дня на день ожидалось взятие Берлина. Советская делегация летела в Сан-Франциско на семи военно-транспортных самолетах через Сибирь, Якутск и Аляску. В США ее повсюду сопровождали толпы американцев: всем хотелось своими глазами увидеть «этих легендарных русских», которые, как признает Трухановский, чувствовали себя весьма неловко в тяжелых драповых пальто и велюровых шляпах, в общем, выглядели точь-в-точь так, как принято показывать русских в американских кинофильмах. Отношение к делегации рядовых американцев было самым сильным впечатлением от конференции – повсюду ее встречали овацией. По словам Владимира Григорьевича, персонал кафе, где они обедали, выражал свои чувства так: со словами «Рашнз каминг!» («Русские идут!») им накладывали в тарелки тройные порции еды.

Президент Трумэн, по словам Трухановского, был равнодушен к вниманию публики: госсекретарю Э. Стеттиниусу даже пришлось уводить его со сцены после приветственной речи, открывающей конференцию. Владимир Григорьевич работал помощником, а затем заместителем генерального секретаря советской делегации, участвовал в заседаниях комитета по международной опеке. Там ему пришлось вблизи наблюдать британского министра по делам колоний лорда Крэнборна, который с большим искусством отстаивал позицию своего правительства, поддержанную доминионами и заключавшуюся в недопущении развала Британской империи.

Американцы были заинтересованы в получении новых возможностей проникновения в страны империи, а англичане пытались им противодействовать. В результате упорной дипломатической борьбы была принята формулировка, близкая к позиции СССР: система опеки ООН поведет подопечные территории «в направлении к самоуправлению и независимости»⁵. Трухановский вошел в пятерку членов делегации, которые присутствовали при подписании Устава ООН, подпись под которым от имени Советского Союза поставил посол в США Громыко (Молотов уже улетел из Сан-Франциско).

Самым важным событием в своей мидовской жизни Владимир Григорьевич считал участие в Потсдамской конференции. Его и еще одного сотрудника делегации разместили на вилле в Бабельсберге, очень похожей на ту, в которой жил Штирлиц в «Семнадцати мгновениях весны». Трухановский вспоминал, что главы делегаций по-разному приезжали в замок Цецилиенхоф, где проходили заседания. Кортёж президента Трумэна лихо подкатывал к замку с максимальным шумом (мотоциклы сопровождения были без глушителей), охранники гроздьями висели на подножках автомобиля президента. «Черчилль подъезжал спокойнее: были

и мотоциклисты, и грузовик с автоматчиками, и машины со специальной охраной, но все это без излишнего шума и грохота».

Советская делегация подъезжала безо всякого шума на трех черных легковых машинах с обратной стороны здания. Из средней машины выходил Сталин, спрашивал у дежурного в холле, собрались ли союзники и, получив утвердительный ответ, проходил в зал. Любопытно, что советская делегация всегда оказывалась в зале заседаний одновременно с англичанами и американцами. Как это достигалось – оставалось загадкой. Всякий раз после того, как делегация занимала свое место, дежурный снимал трубку телефона и докладывал Берии, что заседание началось. Средний персонал делегации, в том числе и Трухановский, были убеждены, что это делался прямой провод с Москвой, так как Лаврентия Павловича в Потсдаме никто не видел.

По разному вели себя главы делегаций и за столом переговоров. Трумэн всегда был в хорошем настроении, не особо вникал в суть споров, при этом американцы «чувствовали прочность своего положения и старались максимально ее использовать. Черчилль был раздражен, заметно нервничал». Причина такого состояния не составляла тайну для присутствовавших: Советский Союз набрал огромную военную мощь и соотношение сил в «Тройке» изменилось не в пользу Великобритании. «Угроза применения силы с советской стороны ни разу не прозвучала на конференции, - отмечает Трухановский, - но в поведении Сталина чувствовалось, что он рассматривает военную мощь СССР как важный козырь в переговорах». Вторым козырем было обещание вступить в войну с Японией. Когда союзники отвергали какое-либо его предложение, чувствующий себя спокойно и уверенно Сталин замечал: «Ну, что ж, нам не к спеху; подождем, пока вы будете готовы». В ответ на одну из предложенных Черчиллем формулировок, Сталин попросил его прочесть еще раз, а потом со словами «На слух хорошо, но надо вчитаться» предложил распечатать документ, раздать делегациям и вернуться к нему завтра. «К этому вопросу уже больше никогда не вернулись: Черчилль понял, что Сталин передумал».

Владимир Григорьевич отмечает, что после того, как Черчилль проиграл на выборах и британскую делегацию возглавил новый премьер-министр – лейборист К. Эттли, позиция Великобритании на конференции заметно изменилась в худшую сторону: «лейбористы сразу же показали себя гораздо более несговорчивыми партнерами, чем их предшественники». В противоположность предыдущему тандему (премьер – министр иностранных дел) особенно активным был глава Форин офис Бевино, а Эттли больше молчал. Вскоре обнаружилось, что некоторые намечавшиеся при Черчилле и Идене договоренности не поддерживаются лейбористами. Трухановский связывает это изменение

в поведении британцев отчасти с отсутствием у Эттли (равно как и у Трумэна) опыта союзнического взаимодействия, характерного для Черчилля и Рузвельта. «Эпоха великого антигитлеровского союза кончилась», - отмечает он.

Особый интерес для специалистов-международников представляет описание Владимиром Григорьевичем известного эпизода, когда Трумэн сообщил Сталину о создании ядерного оружия. По его словам, встречается по крайней мере шесть неточных описаний этого разговора (наиболее точным из которых является воспоминание об этом Идена). А дело было так: по окончании заседания, там же в зале Трумэн подошел к Сталину и тихо произнес несколько слов. Черчилль и Иден при этом, стараясь не обнаружить своего интереса, внимательно наблюдали за происходящим. Именно по их напряженным лицам Трухановский понял, что речь идет о чем-то чрезвычайно важном. «Сталин молча выслушал, кивнул головой и направился к выходу. Американцы и англичане казались растерянными».

Вот как вспоминает об этом эпохальном моменте Черчилль: «Похоже, он (Сталин – Н.К.) был в восторге. Новая бомба! Исключительной мощи! И, может быть, будет иметь решающее значение для всей войны с Японией! Какая удача! Такое впечатление создалось у меня в тот момент, и я был уверен, что он не представляет всего значения того, о чем ему рассказывали. Совершенно очевидно, что в его тяжелых трудах и заботах атомной бомбе не было места. Если бы он имел хоть малейшее представление о той революции в международных делах, которая совершалась, то это сразу было бы заметно. Ничто не помешало бы ему сказать: «Благодарю вас за то, что вы сообщили мне о своей новой бомбе. Я, конечно, не обладаю специальными техническими знаниями. Могу ли я направить своего эксперта в области этой ядерной науки для встречи с вашим экспертом завтра утром?» Но на его лице сохранилось веселое и благодушное выражение, и беседа между двумя могущественными деятелями скоро закончилась. Когда мы ожидали свои машины, я подошел к Трумэну. «Ну, как сошло?» - спросил я. «Он не задал мне ни одного вопроса», - ответил президент. Таким образом, я убедился, что в тот момент Сталин не был особо осведомлен о том огромном процессе научных исследований, которым в течение столь длительного времени были заняты США и Англия и на который Соединенные Штаты, идя на героический риск, израсходовали более 400 миллионов фунтов стерлингов»⁶.

Иден в своих мемуарах признается, что союзники ожидали от Сталина просьбы поделить секретом создания ядерного оружия, а так как ее не последовало, решили, что тот просто не понял, о чем идет речь, ограничившись кивком головы и кратким «спасибо». «Описание Идена, отмечает Трухановский, вернее многих других, но и в нем имеются две неточности. Во-

■ Золотой фонд МГИМО

первых, Сталин, конечно, сразу понял суть дела: он не только знал о бомбе от советских ученых и из данных разведки, но в СССР уже несколько лет упорно работали над созданием атомного оружия. А во-вторых, ознакомившись с мемуарами Идена, я специально выяснял у Павлова (переводчик Сталина – Н.К.) – слово «спасибо» не было сказано. И думаю, умышленно: Сталин понимал, что союзники хотят использовать бомбу для нажима на Советский Союз. За что же тут благодарить? Неточность у Идена вполне понятна: английский джентльмен не мог допустить, что кивок головы собеседника не сопровождался обычными в таком случае словами благодарности»⁷.

В последние годы жизнь Владимира Григорьевича удивительным образом пересеклась с жизнью его главного героя. Подобно Черчиллю, на склоне лет он полюбил французскую Ривьеру. Там он забывал о своих болезнях и вновь становился бодрим. Прогуливаясь по Английской набережной Ниццы и любуясь морем, он не мог не вспоминать выдающегося британского премьера, который также любил посещать этот красивейший уголок Франции.

Последний год жизни Владимир Григорьевич провел в загородном доме в деревне Палицы, что за Николиной Горой. Дом стоял

в березовой роще, рядом с домом был пруд и огромный «толстовский» дуб. Трухановский чувствовал себя в гармонии с природой. Он говорил, что страшится не смерти, а связанных с ней страданий. Судьба оказалась милостивой: 10 марта 2000 г. Владимир Григорьевич скончался дома, в своем кабинете и даже не успел понять, что умирает. Похоронили его на живописном деревенском Никологорском кладбище посреди пяти огромных берез.

Академик Трухановский никогда не менял своих политических взглядов, не пытался, в отличие от многих, подстраиваться к модным в обществе настроениям. Он на всю жизнь остался благодарен советской власти за то, что она предоставила возможность простому пареньку из глухой белорусской деревушки стать дипломатом, известным историком и академиком. Будучи человеком государственным, Владимир Григорьевич близко к сердцу воспринимал те несчастья, которые свалились на нашу страну – разрушение Советского Союза, утрату влияния страны на международной арене, сотрясавшие ее межнациональные конфликты, вымирание русских. Он был выдающимся историком и прекрасным человеком.

Kapitonova N.K. Academician Vladimir Grigorievich Truchanovsky at MGIMO.

Примечания

1. Академику Владимиру Григорьевичу Трухановскому – 80 лет. Ответы академика В.Г. Трухановского на вопросы редакции журнала. // Новая и новейшая история, № 6, 1994, с.77.
 2. Там же, с.78
 3. Там же, стр. 85.
 4. Там же, стр. 90
 5. Британия и Россия. В мире английской истории. Вып. 3, 2002г., стр. 17.
 6. У.Черчилль. Вторая мировая война. Т. VI. Триумф и трагедия. М., 1955, стр. 629-630.
 7. Новая и новейшая история, № 6, 1994, стр.85.
-